
И. В. ДУБРОВСКИЙ

Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

Новые данные о судьбе князя А. П. Прозоровского и Повесть о Василии Кариотском

РЕЗЮМЕ

По мнению ряда филологов, историческим прототипом героя «петровской повести» «Гистория о российском матросе Василии Кариотском» может быть князь А. П. Прозоровский. В числе других царских стольников он был отправлен за границу одновременно с Великим посольством Петра I и не вернулся на родину. Параллелей между судьбой эмигранта А. П. Прозоровского и сюжетом повести до сих пор было известно не много. Новые архивные находки, сделанные во Флорентийском государственном архиве, а также атрибуция А. П. Прозоровскому целого ряда опубликованных свидетельств из переписки Лейбница убеждают в обоснованности и ценности такого сопоставления.

Ключевые слова: «Гистория о Василии Кариотском», исторический прототип, вымысел, петровские «навигаторы», Лейбниц.

Igor V. Dubrovskii (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia). New Facts about Prince Aleksandr Petrovich Prozorovskii in Connection with the Story of Vasilii Kariotskii

ABSTRACT

According to some philologists, the *Story of the Russian Sailor Vasilii Kariotskii* could be inspired by the experiences of Prince Aleksandr Petrovich Prozorovskii. In the company of other *stolniki* (court chamberlains), Prozorovskii was sent abroad at the same time when the Grand Embassy of Peter I departed to Europe, but he did not return to Russia. Few similarities between the life path of the emigrant Prozorovskii and the plot of the *Story of the Sailor Vasilii Kariotskii* have been known until now. Several documents that were newly found in the Florence State Archive and numerous remarks regarding a certain “Muscovite” in Leibniz’s correspondence assert the validity and value of this comparison.

Keywords: Story of the Russian Sailor Vasilii Kariotskii, prototype, conscious fiction, Grand Embassy of Peter I, Peter the Great’s navigation schools, Order of Saint Stephen, Leibniz, Prince Prozorovskii.

Известная «петровская повесть» «Гистория о российском матросе Василии Кариотском» начинается как бытовой рассказ о русском дворянине, записавшемся «в морской флот в матросы» и отправленном для учебы в Голландию, но затем погружает читателя в атмосферу невероятных приключений, выпавших на долю главного героя, который в конце концов женится на дочери «флоренского короля» и наследует его трон. В этом сюжете соединяются заимствования из переводного романа и сказочные, фольклорные мотивы с намерением автора сочинить, выдумать занимательный рассказ.

Хотя повесть содержит ряд очевидных отсылок к историческим реалиям петровского времени, им достается роль деталей. При этом мы догадываемся, что реальное может быть стершейся основой сюжета, который мы воспринимаем как целиком вымышленный. Историк, вооруженный историческими материалами, в этом смысле может быть полезен литературоведам. Известный пример такого рода — исторический комментарий П. В. Седова к сюжету повести о Фроле Скобееве. Как выясняется, он построен на фундаменте подлинных исторических фактов.¹ Исследователи «Истории о Василии Кариотском» допускают подобную возможность. Согласно догадке П. Н. Беркова и Г. Н. Моисеевой, отдаленным прототипом «матроса Василия» мог являться один из царских стольников, отправленных Петром за границу одновременно с Великим посольством, в начале 1697 г., князь Александр Петрович Прозоровский.²

Материал об этом человеке, известный двум упомянутым филологам, собран в статье С. Ф. Платонова.³ Можно усмотреть несколько совпадений в судьбе литературного героя и его предполагаемого прототипа. Подобно персонажу «Истории о Василии Кариотском», А. П. Прозоровский был отправлен учиться в Голландию («для наук арихметических и разных языков», как сказано в повести о «российском матросе»). Видимо, он единственный из первых «навигаторов», кто остался на Западе. Его судьба более или менее известна с того момента, как летом 1701 г. он осел в Вене. Б. И. Куракин сообщает о А. П. Прозоровском следующие подробности: «Которой с того времени и по сей 17... год не возвратился во отечество и во многих местах по Европе ездил четыре годы, искал своего счастья, однако ж нигде не мог кроме Венского двора, где цесар Леополт ему обещал давать на год 1000 червонных, где и продолжается (проживает. — *И. Д.*) и по се число, токмо веры не пременил и службы цесарской никакой не принял».⁴ Связь А. П. Прозоровского с Веной и обещанная ему императором пенсия (подчеркнем слова «обещанная», «обещал давать») заставляют вспомнить эпизод повести, когда «матрос Василий» вместе со своей возлюбленной, дочерью «флоренского короля», попадает в «Цесарию», где он становится ближайшим другом цесаря, полюбившего его как брата. В то же время гипотеза П. Н. Беркова и Г. Н. Моисеевой, наверное, выглядит шаткой, пока нет ответов, по крайней мере, на два вопроса. Если А. П. Прозоровского послали в Голландию и после видели в Вене, мог ли он оказаться в Италии, где так счастливо сложилась судьба волнующего нас литературного героя? Для правдоподобия параллели между ним и Василием Кариотским, вероятно, он должен был не просто побывать в стране «флоренского короля» — правившего в это время великого герцога Тосканского Козимо III, — а добиться там некоего социального успеха, как-то заметно возвыситься. Это некий событийный

¹ *Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 542—548.

² *Берков П. Н.* О так называемых «петровских повестях» // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 423; *Моисеева Г. Н.* Русские повести первой трети XVIII века. М.; Л., 1965. С. 173—174.

³ *Платонов С. Ф.* Б. И. Куракин и А. П. Прозоровский (1697—1720) // Доклады АН СССР. 1929. Сер. В. № 12. С. 236—243.

⁴ Там же. С. 236—237.

минимум, способный сделать А. П. Прозоровского относительно убедительным кандидатом в прототипы.

Во Флорентийском государственном архиве мне посчастливилось найти документ, отчасти проясняющий эти вопросы. Это черновик паспорта, проезжей грамоты для путешествия на родину, выданный на имя русского князя Александра Прозоровского-Ярославского великим герцогом Тосканским Козимо III. Он датирован 20 октября 1699 г.⁵ Хотел ли отпрыск ярославских князей ехать в Россию в самом деле или же заручился паспортом только как рекомендательным письмом, мы знать не можем. Другие стольники из Италии давно разъехались.⁶ Вот выдержки из этого документа (в русском переводе мы несколько упростим синтаксис):

<p>Passaporto specioso fatto da Sua Altezza Al Signore Principe Prooronoscoi⁷ Hieroslaschi Moscovita, li 20 Ottobre 1699 dall’Ambrogiana.</p>	<p>Особый паспорт, выданный Его Высочеством синьору князю Прозоровскому-Ярославскому из Московии. 20 октября 1699 года, вилла Амброджана.</p>
<p>Portandosi in diverse Parti dell’Europa per poi restituirsi alla Patria il Signore Principe Alessandro Prooronoscoi Hieroslaschi, noi che tenghiamo nella dovuta pienissima estimazione, non meno le riguardevoli prerogative della sua Casa, che è tra le primarie del vasto Imperio di Moscovia, che le degnissime qualità di lui, il quale nel favorire i nostri Stati ci si è fatto conoscere tutto ricolmo di Bontà, di Saviezza, e di maniere gentilissime, vogliamo accompagnarlo col presente sincerissimo attestato de’ parzialissimi sentimenti, che nutriamo per il suo gran Merito, e dell’amicizia cordiale, che sempre conserveremo verso la sua qualificata Persona...</p>	<p>Синьор князь Александр Прозоровский-Ярославский ездил по разным странам Европы с намерением вернуться впоследствии на родину. Мы питаем заслуженное и глубочайшее уважение как к выдающемуся положению его семейства, которое относится к числу первых семейств обширной Московской империи, так и к его достойнейшим личным качествам. Оказывая услугу нашему государству, он проявил себя как человек, исполненный добросердечия, мудрости и наиболее благороднейших манер. Этим сопроводительным письмом мы желаем дать ему самое искреннее удостоверение нашей симпатии, которую он заслужил, и сердечной дружбы, которую мы навсегда сохраним в отношении столь достойного лица...</p>

Ниже мы узнаем нечто удивительное: оказывается, А. П. Прозоровский получил от великого герцога крест ордена Св. Стефана.

⁵ Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato (далее — ASFi, MdP), 6298, f. 561r.—562r.

⁶ На первый взгляд, сказанному противоречит существование известной рукописи: «Архитектура цыvilная выбрана ис Паладиуша (...) от математика и архитекта Кашпора Века писана в Венеции лета 1699 году месяца сентября учением и тшанием будучи тамо господина князя Долгорукова, а по рускому каляндару 7206 году». См.: РГАДА, ф. 181, д. 258/463. К ее составлению, по всей вероятности, был причастен один из двух Долгоруких, посланных в Венецию в начале 1697 года. Однако заметим, что приведенная датировка содержит ошибку: первая декада сентября 7206 года приходится на 1697, а две заключительные декады месяца — на 1698 год. О самом сочинении «Кашпора Века» см.: *Di Salvo M. Gasparo (Della) Vecchia, Architecture, and Russia // Studi Slavistici*. 2021. Т. 18, № 1. P. 223—234.

⁷ Букву «w», написанную немецким курсивом, не зная этого письма, можно принять за две буквы «по».

E poiché abbiamo riconosciuto nell'animo generoso del medesimo Signore Principe il lo-devolissimo zelo di combatter valorosamente per la gloria della Croce di Giesù Cristo, contro i Turchi, Tartari, et altre Barbare Nazioni, che immerse nella lor cecità non conoscono il Sommo pregio, e l'alta Virtù dell'adorato Stendardo, che il Divin Redentore lasciò a'suoi seguaci, abbiamo stimato proprio di donarli una Croce da Cavaliere di S. Stefano, la quale rappresentando quella di Giesù Cristo, possiamo sperare, che al magnanimo cuore di detto Signore Principe accrescerà i degni stimoli di dilatare le glorie della Croce del Salvatore, coll'esercitare il proprio coraggio contro i nemici della medesima. Dalla singolare umanità poi del Signore Principe medesimo che ne viene da noi pregato ista[n]temente siccome ci promettiamo, che saranno favoriti, e protetti tutti i Cattolici Romani, che passeranno poi il Vasto Imperio della Maestà del Serenissimo e Potentissimo Czar, così lo accertiamo, che avremo noi pure un'affettuosa considerazione per l'inclita Nazione Moscovita, e l'animo sempre disposto a dimostrarla positivamente a ciascheduno di essa, che transiti per questo nostro Dominio...

И поскольку в благородной душе сказанного синьора князя мы узрели самое похвальное устремление ради славы креста Иисуса Христа смело сразиться с турками, татарами и иными варварскими народами, которые в своей слепоте не ведают высшей ценности и силы высокочтимого знамени (т. е. креста. — *И. Д.*), которое Божественный Искупитель оставил своим последователям, мы сочли уместным даровать ему крест кавалера ордена Св. Стефана. Поскольку последний являет собой крест Иисуса Христа, мы можем надеяться, что в благородном сердце сказанного синьора князя он увеличит достойное рвение распространить славу креста Спасителя, выказав собственное мужество против врагов креста. Кроме того, от того же синьора князя как человека редкого человеколюбия мы ожидаем, что, по нашей настоятельной просьбе, все римские католики, которые в будущем станут пересекать обширную империю Его Величества светлейшего и могущественнейшего царя, получат помощь и защиту, и мы также заверяем его, что со своей стороны будем любить и уважать славный народ москвитов и всегда будем готовы непременно это продемонстрировать любому из них, кто будет проезжать через наше государство...

Раз нашелся такой паспорт, есть надежда, что отыщутся и другие бумаги, способные пролить свет на приезд А. П. Прозоровского ко двору Козимо III. Их не может не оказаться в фонде ордена Св. Стефана, который хранится в Пизанском государственном архиве, куда хотелось бы поехать при первой возможности. В то же время может быть так, что уже сейчас мы знаем и можем понять достаточно.

Тосканский орден рыцарей Св. Стефана во многом сохранял исходное значение закрытого рыцарского клуба, созданного некогда с оглядкой на Мальтийский орден и декларирующего своей целью защиту католической веры путем войны с ее врагами. Эта военная активность ордена Св. Стефана в Средиземноморье постепенно сходила на нет, но еще не стала перевернутой страницей в его истории. В социальном плане два упомянутых ордена играли похожую роль, а именно способствовали сплочиванию знати на региональном уровне, а также в Европе в целом. Речь шла при этом, конечно, о католиках. Даже далеко отойдя от традиций монашества, некогда легших в основу рыцарских орденов, орден Св. Стефана, безусловно, был и воспринимался католическим учреждением, и кавалеров православного вероисповедания, по идее, в нем быть не могло.

Здесь необходимо вспомнить, что крест Мальтийского ордена до того был преподнесен путешествовавшему по Италии генералу Б. П. Шереметеву. Получив его во время посещения Мальты в мае 1698 г., в начале июля он прибыл во Флоренцию, где был обласкан великим герцогом Козимо III.

Не будет преувеличением сказать, что мальтийский крест Б. П. Шереметева производил на окружающих сильнейшее впечатление. О приезде Б. П. Шереметева в Венецию в письме от 12 июля тосканский агент Маттео дель Телья сообщал во Флоренцию в таких выражениях: «Украшенный драгоценными камнями большой крест Мальтийского ордена делает [его обладателя] самым замечательным лицом среди этого занятого народа, который строит ему куры на каждом шагу» («che lo rende più ammirabile fra questa curiosa gente, che li fa Corte ov'unque va»).⁸ О напряженном внимании, с которым иноземцы и русские смотрели на мальтийский крест Б. П. Шереметева уже в России, в целом ряде мест своего дневника пишет И. Г. Корб. Он же, понимая, что к чему, называет крест купленным ценой огромных расходов: «Stucis Melitensis honor tantis sumptibus emptus».⁹ Из других документов известно, что инициатива исходила от самого Б. П. Шереметева. В конце декабря 1697 г., направляясь в Италию, он имел в Вене беседу с кардиналом Коллоничем. Узнав, что Коллонич был в юности мальтийским рыцарем, Б. П. Шереметев расспрашивает его о том, может ли он вступить в Мальтийский орден, оставаясь православным. Кардинал про себя посмеялся — пишет с его слов в Рим папский нунций — и отвечал любезно и неопределенно. Первой дружной реакцией европейцев было отрицание возможности соединить принадлежность к мальтийским рыцарям с православием.¹⁰ Было ли полгода спустя вручение Б. П. Шереметеву усыпанного бриллиантами знака Мальтийского ордена полноценным принятием в его ряды в чьих-то глазах? Или же оно скорее являлось неким компромиссом, импровизацией, сознательной двусмысленностью? Похоже, верно второе. Возвращаясь к А. П. Прозоровскому, который не мог не столкнуться с той же проблемой, мы должны предположить, что первый пример странного награждения проложил путь другому.

Чем была вызвана такая честь? Заслуги ожидалось от А. П. Прозоровского в будущем. Главный мотив его награждения, кажется, изложен в заключительных строчках полученного им паспорта, а именно новоиспеченный кавалер должен взамен позаботиться о католиках, пересекающих обширную империю русского царя. Великий герцог Тосканский не мог не помнить досадный для себя эпизод. В 1689—1690 годах Козимо III обращался к русским правителям с просьбой о пропуске в Китай через территорию Московского царства миссионера Филиппо Гримальди.¹¹ Тогда его ходатайство не было услышано в Москве. Гримальди, еще и члену ордена иезуитов, только что изгнанных из России, в таком проезде было отказано. В переписке тосканского

⁸ ASFi, MdP, 3048, f. 481v.—482r.

⁹ Diarium itineris in Moscoviam (...) Ignatii Christophori nobilis domini de Guarient, et Rall (...) ab Augustiassimo, et Invictissimo Romanorum Imperatore Leopoldo I ad Serenissimum, ac Potentissimum Tzarum, et Magnum Moscoviae Ducem Petrum Alexiowicium anno MDCXCVIII ablegati extraordinarii descriptum a Joanne Georgio Korb. Viennae Austriae, [1700]. P. 217.

¹⁰ Письма венецианского дипломата Рудзыни из Вены от 28 декабря 1697 г. и нунция при дворе императора Санта-Кроче от 28 декабря 1697 г. и 4 и 11 января 1698 г. См.: Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Юрьев, 1903. С. 325, 326, 331, 333 (№ 437, 438, 446, 450).

¹¹ ASFi, Miscellanea Medicea, 102/3 содержит разного рода подготовительные бумаги (и итальянские и латинские черновики) к письмам великого герцога Тосканского по поводу предполагавшегося проезда Ф. Гримальди через Россию в Китай, адресованные сначала царям Ивану и Петру и царевне Софье (эти письма датированы 20 ноября 1689 г.), затем — после получения известия о произошедшем в России перевороте — одному Петру I от 3 декабря.

двора конца XVII века в адрес России и русских обычно почти не бывает прямых грубостей, но в этот момент подданные Козимо III перестают стесняться в выражениях. Его московский агент в связи с этим отказывается русским в цивилизованности. «Варварский народ», «христианству от него мало проку» — вторит тому секретарь великого герцога.¹² Радостная новость разлетелась в августе 1698 г. По пути на родину из Вены царь Петр I на обеде у княгини Замойской виделся с папским нунцием в Польше Дж.-А. Давиа и на его просьбу позволить проезд католических миссионеров через территорию России на восток вдруг легко согласился и даже обещал таковым свое содействие.¹³ Откровенно неумный нунций, решивший, что ухватил бога за бороду, пытался взять с царя расписку. После он добивался своего с такой неумной энергией, что в конце концов его римскому начальству пришлось его одергивать. Отметим, что Давиа считает одновременно крайне важной помощь миссионерам, направляющимся в Китай, со стороны других влиятельных лиц и прикладывает усилия, чтобы отыскать в Москве таких доброжелателей.¹⁴ О его встрече с царем у княгини Замойской Козимо III имел подробную информацию, можно сказать, из первых рук. Во Флорентийском государственном архиве есть копия донесения секретаря папского нунция. Список сделан рукой тосканского агента при польском дворе графа Лоренцо Мариани.¹⁵ Нам остается связать эту новость из Польши, старую историю, вышедшую с Филиппо Гримальди, и слова паспорта А. П. Прозоровского, объясняющие дарованный ему крест кавалера ордена Св. Стефана ожидавшимся от него участием в делах проезжающих католиков. Если такая интерпретация награждения русского князя верна, то вероятно, что правитель Тосканы тем самым позаботился о падающем авторитете своего маленького государства.

Неожиданные открытия сулит опубликованный материал. Хотя А. П. Прозоровскому он никем до сих пор не атрибутирован, такая атрибуция, по-моему, напрашивается. Я имею в виду ряд свидетельств в переписке Лейбница. Начать хотелось бы с письма воспитателя Ребера из Вольфенбюттеля от 1 февраля 1698 г., где есть такие строчки: «Московит по имени Александр Петров еще здесь [в Вольфенбюттеле] и по-прежнему содержится за счет нашего двора [герцогов Брауншвейгских]. По поводу его отъезда отсюда ничего толком не известно. По его словам, об этом ведают только Бог да царь. В ожидании такого приказа он занят изучением латинского языка, уже весьма прилично овладев немецким. У него есть несколько запечатанных

¹² Выписка из письма Франческо Гваскони из Москвы от 7 марта 1690 г., сделанная в Венеции рукой его брата Алессандро Гваскони (см.: ASFi, MdP, 1578, f. 925r.—v.), и ответное письмо секретаря Аполонио Бассетти в Венецию Алессандро Гваскони от 6 мая 1690 г. (см.: ASFi, MdP, 1607, f. 743v.; черновик: ASFi, MdP, 1578, f. 929v.—930r). Указанные архивные тома содержат еще добрых два десятка писем, посвященных этому делу.

¹³ Донесения нунция Давиа государственному секретарю кардиналу Спада от 19 августа и венецианского резидента в Польше Дж. Альберти от 26 августа 1698 г. См.: Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. С. 522—523, 525 (№ 660, 663).

¹⁴ Письмо нунция Давиа государственному секретарю кардиналу Спада от 9 декабря 1698 г. См.: Там же. С. 562 (№ 721).

¹⁵ Документ озаглавлен: «Relatione concernente il Zar di Moscovia quando fu in Zamoscia scritta dal secretario di Monsignor Nunzio». См.: ASFi, MdP, 4502, f. 603r.—604v.

приказов своего государя, которые ему запрещено вскрывать до того, как получит такое срочное предписание. В паспорте, полученном им от царя, латинская копия коего у меня имеется, он назван: «Благородный Александр Петров, наш придворный» [Generosus Alexander Petrow, Aulicus noster]. Но поскольку я совершенно не сомневаюсь, что вы [в Ганновере, где находится Лейбниц] этот паспорт видели и уже знакомы с его содержанием, я воздержусь от того, чтобы вам здесь его пересказывать». ¹⁶ Члены виднейших русских фамилий, посланные в Европу для обучения одновременно с Великим посольством, а также сопровождавшие посольство в качестве «волонтеров», на время поездки получили псевдонимы. Здесь действовал простой принцип: личное имя человеку оставлялось свое, а в качестве фамилии, семейного имени, трактовалось отчество. Единственным «Александром Петровичем» из числа уехавших дворян был князь Прозоровский, и в переписке Лейбница речь, судя по всему, идет о нем.

Разобравшись с именем, приведем теперь другие данные в хронологическом порядке. «Тут [в Бремене], — пишет «тайному советнику» Лейбницу 12 декабря 1697 г. историк Иоганн Юст Винкельманн, — больше трех недель находился один знатный русский господин, коего простой народ желает объявить царем (welchen vulgus vor den Czaar ausschreyen wollen; здесь *vor* — архаичное написание предлога *für*. — *И. Д.*). Восемь дней назад он поехал в Ганновер. Там и выяснится, что он за человек». ¹⁷ Сам Лейбниц сообщал супруге бранденбургского курфюрста Софии-Шарлотте 24 декабря из Ганновера: «Дабы быть полезным в общении с ними [русскими], которое ваше курфюршеское высочество будет поддерживать, я нарочно найму переводчика, которого бросил один боярин, пробывший тут [в Ганновере] несколько дней. Боярин этот казался человеком неглупым, но, как говорится, злой дух показывает когти на прощание. Его нация проявилась в нем перед отъездом. Для своего переводчика он велел купить парик, но незадолго до своего отъезда отсюда он разломал его сундук и взял парик назад со словами, что он его только одалживал... Этот русский заявил, что сделал эти вещи (ses choses: прогнал переводчика и отобрал у него парик. — *И. Д.*), поскольку нуждался в деньгах. По его словам, денег, вырученных от продажи парика, ему хватит на несколько дней. Между тем поговаривают, что он был (в прошлом, на родине. — *И. Д.*) кое-чем побольше, чем боярин». ¹⁸ Из Ганновера, как мы помним, А. П. Прозоровский отправился в Вольфенбюттель, и 1 февраля 1698 г. дата его отъезда отсюда еще не была известна. Следующая по времени информация приходит от Фредерика Вальтера (которого тогда прочли в воспитатели царевичу Алексею). В его письме Лейбницу от 28 апреля 1698 г. говорится: «Я был в Гамбурге, где видел нашего москвитя, которого там принимают за принца Сибирского [qui y passe pour le Prince de Sibirie]. У него открытый вексель и столько денег, сколько он захочет. Но он их экономит. Он учит там одновременно латынь и немецкий, носит траур по сестре, которая у него скончалась в Московии. Его свита также одета в траур, но

¹⁶ *Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe. Erste Reihe. Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel.* Berlin, 1998. Bd. 15. S. 268—269 (№ 191).

¹⁷ *Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe. Erste Reihe...* Berlin, 1993. Bd. 14. S. 842 (№ 473).

¹⁸ *Ibid.* S. 868 (№ 488).

на русский манер. Все князья, побывавшие за последнее время в Гамбурге, нанесли ему визит. Он по-прежнему очарован вашим [ганноверским] двором и фрейлиной из Ло [la Freule de Loo; или: фройляйн, девицей из Ло]». ¹⁹ Напомню, что дворец Ло — летняя резиденция штатгальтера Нидерландов. Надо ли понимать «принца Сибирского» в том смысле, что ему доводилось гостить у Вильгельма Оранского, бывшего также королем Англии и Шотландии, до того, как он отобрал и продал парик своего переводчика? В Гамбурге он задержался. Тот же корреспондент пишет Лейбницу полтора месяца спустя, 13 июля 1698 г.: «Московит — человек, бесспорно, особенный. Его женили в возрасте 14 лет, и у него одна дочь, которой теперь 12-ть. В своей комнате в Гамбурге он хранит портрет этой девочки. Она нарисована в Москве, в полный рост, одетой на русский манер в зеленое в знак надежды, что ее отец вернется, с черными лентами в волосах в знак скорби о том, что он уехал. Поверх всего на ней корона, дающая понять, что она принцесса. Отец ее учит одновременно латынь и немецкий, и у него открытый вексель в Гамбурге, которым он мало пользуется, будучи весьма бережлив». ²⁰

Что сказать по поводу этих известий? Одно из удивительных открытий — неожиданная картина обстоятельств, побудивших А. П. Прозоровского остаться на Западе. Ничего похожего на увлечение Европой тут не сыграло роли. Напротив, ясно, что с А. П. Прозоровским стряслась беда, вынудившая его буквально бежать из Голландии без плана и денег, которые быстро закончились. Причиной бегства в никуда мог быть царский гнев. В самом деле, существуют сведения о некоем столкновении царя с безымянными русскими аристократами в начале сентября 1697 г.

Данный эпизод слывет известным и даже хрестоматийным, но я бы сказал, что ясность здесь мнимая. Сравним имеющиеся свидетельства. Одно, которым пользовались до сих пор, находится в записках голландского современника событий Я. К. Номена. Между сообщениями, привязанными к датам 30 августа и 2 сентября 1697 г., мы у него читаем: «Один князь и один вельможа его государства говорили с царем, по его мнению, слишком смело; они, как передают, советовали ему и уговаривали его побольше думать о своей славе и репутации. Но он за это так сильно рассердился, что велел обоим заковать в кандалы и посадил их под арест в старый Герен-Ложемент (название гостиницы. — *И. Д.*) в Амстердаме, решив отрубить им головы; но бургомистры Амстердама объяснили ему, что в нашем государстве этого сделать нельзя (...). Они достигли лишь того, что он повелел одному (из провинившихся. — *И. Д.*) отправиться в Ост-Индию, а другому в Суринам, и, говорят, это в самом деле было исполнено». После сообщения от 11 сентября: «Несколько дней спустя его царское величество отправился на о. Тессель на яхте Ост-Индской компании в сопровождении нескольких знатных господ. Там он посадил на корабль одного князя из Московии, которого посылал в Ост-Индию, и одного знатного господина, отправляемого в Суринам. Это были именно те два вельможи, которые сидели так долго в кандалах в старом Герен-Ложементе и о которых я говорил выше». ²¹

¹⁹ *Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe. Erste Reihe...* Bd. 15. S. 528 (№ 340).

²⁰ *Ibid.* S. 647 (№ 414).

²¹ Записки Я. К. Номена о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697/98 и 1716/17 гг. / Пер., введение и примеч. В. А. Кордта. Киев, 1904. С. 41—42, 46—47.

Новую для исследователей интерпретацию этого происшествия содержат три депеши флорентийского агента в Амстердаме Джачинто дель Винья, адресованные секретарю Козимо III аббату Бассетти. В первой, от 6 сентября 1697 г., приводится такая информация: «[Царь] держит у себя дома под арестом одного князя, которого, по-моему, называют князем Сибирским. Из перехваченных писем, говорят [выяснилось], что того [арестованного] прочат в предводители мятежа, раскрытого после его отъезда (отъезда царя из Московского государства. — *И. Д.*)». ²² Неделю спустя в письме от 13 сентября тот же корреспондент, Джачинто дель Винья, упоминает жертв царского гнева уже во множественном числе: «Те самые московиты, коих великий герцог [Московский Петр I] держал под арестом в доме, где разместились послы, пропали. По общему мнению, их утопили, ибо как-то вечером в поздний час перед этим домом видели лодку, в которую село много народу; потом она вышла из города в море, а когда вернулась, людей в ней оказалось меньше». ²³ Еще через неделю, 20 числа, эта версия отмечается: «Московитов, про которых решили, что их бросили в море, видели после разгуливающими на свободе». ²⁴

Наконец, по справедливому замечанию М. М. Богословского, с информацией об этой коллизии требуется сопоставить строчки письма Л. К. Нарышкина Петру I, которое было ответом на несохранившееся письмо царя от 31 августа, то есть 10 сентября 1697 г., а именно такие: «А что ваша милость писал за некие слова посланы те винные, и за то себе и осуждение приняли, дай Боже, за истину твою Господь Бог управил путь твой. Может Господь Бог супостатов твоих искоренить». ²⁵ К каким мыслям приводит сопоставление этих данных? Причину царского гнева авторы двух развернутых сообщений — Джачинто дель Винья и Ян Номен — излагают по-разному. При этом нельзя не отметить определенную перекличку версии Я. Номена с информацией Л. К. Нарышкина о неких разозливших Петра словах (а не о перехваченных письмах и заговоре с целью свержения Петра). В то же время Я. Номен, скорее всего, ошибочно связал эту историю с известным также по русским источникам фактом отправки нескольких «московитов» на голландских судах в Голландскую Ост-Индию и Южную Америку. М. М. Богословский обращает внимание на то, что письмо царя Л. К. Нарышкину, в котором наказание было объявлено совершившимся, написано явно на несколько дней раньше такого распоряжения. Тосканский агент Джачинто дель Винья об отправке провинившихся перед царем в дальние плавания тоже ничего не слышал. Наконец, Джачинто дель Винья и Яна Номена можно понять

²² Tiene in Casa sua [in] arresto un Principe (che mi pare dichino di Sibiria). Si discorre per lettere intercette che vien supposto sopra la Ribellione scopertasi doppo la sua partenza di colà. См.: ASFi, MdP, 4265, № 184.

²³ Quelli Moscoviti che l' Gran Duca nella Casa dove sono alloggiati gl' Ambasciatori teneva in arresto non vi sono più, e come una sera fu veduto al tardi una barca nella quale entrorno molte Persone avanti di essa Casa che poi andò fuori della Città nel Mare et al ritorno il numero della Gente era minore, il discorso comune è che gli habbino [?] fatti affogare. См.: ASFi, MdP, 4265, № 185.

²⁴ I Moscoviti che fu supposto esser stati gettati in Mare sono stati poi veduti in Libertà. См.: ASFi, MdP, 4265, № 186.

²⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1. С. 645—646; *Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биографии. [М.], 1941. Т. 2: Первое заграничное путешествие. С. 172—173.

в том смысле, что царь, в конце концов, если не простил своих обидчиков совсем, то определил им сравнительно легкое наказание. Но строки письма Л. К. Нарышкина, кажется, свидетельствуют о решимости царя «искоренить» своих «супостатов». Тогда прощение разгневавших его — домисел добросердечных голландцев.

В истории бегства А. П. Прозоровского есть крайне неприятная подробность. Окончательный выбор Гамбурга в качестве места жительства объясняется торговыми связями этого города с Россией. Там можно было получить деньги по векселям и письма с родины. Но сначала мы узнаем о пребывании А. П. Прозоровского в Бремене — шведском владении, а затем в союзном шведам Ганновере. Хотя до Северной войны было еще далеко, подготовка к ней активно велась и была одной из главных целей Великого посольства. В частности, этого касались секретные переговоры царя Петра с голландским штатгальтером и английским королем Вильгельмом.²⁶ На А. П. Прозоровского в этой связи падают столь тяжкие подозрения, что путь на родину мог быть ему заказан.

Сведения о лицах, состоявших на службе князя, подкрепляют и дополняют картину, которая у нас сложилась. Прочитав конец письма воспитателя Ребера из Вольфенбюттеля от 1 февраля 1698 г., которого, признаться, мы оборвали на полуслове: «Греческий поп, которого он [*«Александр Петров»*] привез с собой, не раз творивший непотребства в отношении девушек, [прислуживавших] в его жилище, и даже возжелавший убить своего господина из мушкета и для этого стрелявший, был отправлен в Московию с 80 эку денег, выданных ему на дорогу, а чтобы лживый рассказ, которого от него можно ожидать, не повредил его названному господину, наш двор вручил [последнему] письменное свидетельство о том, что произошло, которое тот отослал царю, а также патриарху».²⁷ Ездивший с А. П. Прозоровским православный священник, видимо, счел за благо поскорее от него удрать. Лишним подтверждением внезапной опалы, постигшей А. П. Прозоровского, послужит тот факт, что имя сопровождавшего его солдата Гордея Маковецкого мы вдруг находим в списках свиты третьего посла Великого посольства П. Б. Возницына. С ним Маковецкий доехал до Вены. Там получил приказ отправляться в Россию, его проигнорировал, был в Вене пойман и посажен под караул.²⁸ Что им двигало, имея только эти подробности, конечно, в точности мы знать не можем. Но не был ли жест его проявлением верности царскому стольнику?

Больше всего документов у нас имеется о переводчике, брошенном русским в Ганновере из-за безденежья. Он был словак по имени Матиас Забани. К его судьбе при ганноверском дворе отнеслись с сочувствием, а его бывшего русского хозяина осудили: «Московит избавился от него тут очень некрасиво», — гневается Лейбниц. «Он нанял его в Данциге в качестве переводчика с немецкого, наобещав с три короба и не сдержав слова, так что наш двор нашел, что он обошелся с ним весьма подло». Заодно от Лейбница доста-

²⁶ *Возгрин В. Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986. С. 65—70.

²⁷ *Leibniz G. W.* Sämtliche Schriften und Briefe. Erste Reihe... Bd. 15. S. 269 (№ 191).

²⁸ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1868. Т. 9. С. 128.

ется всем русским: «Московиты — люди скаредные и почти не задумывающиеся о том, чтобы поступать почтенно и обходительно». «Когда я брал его к себе, — вспоминал великий немец о своем толмаче год спустя, — у меня была мысль научиться немного славянскому языку, но человек предполагает, а Бог располагает. Недостаток времени мне этого не позволил, и мне пришлось оставить мое любопытство». Толмач «разумеет и говорит одинаково хорошо на венгерском и словацком, ибо именно так называется славянский язык в Венгрии» («le Slavaque, car c'est ainsi qu'on appelle le Slavon en Hongrie»). Знание Матиасом Забани латыни Лейбниц определяет как довольно приличное, «как это водится у поляков и венгров, и даже побольше обычного». О его немецком мы можем судить самостоятельно, благо в переписке Лейбница сохранилось несколько писем, написанных ему Матиасом Забани на немецком языке. Что именно тот хочет сказать, в основном удастся понять или догадаться, однако ясно, что в роли секретаря он полноценно служить не мог. Не пригодившегося ему словака по прошествии года Лейбниц предложил принять на службу шведскому языковеду Ю. Г. Спарвенфельду.²⁹ Последний давно собирал лингвистический материал, впоследствии легший в основу четырехтомного словаря «славянского» языка, известного под его именем. Спарвенфельд нуждался в это время в сотруднике, который был бы способен принять на себя заботы по составлению и редактированию такого словаря. Бывший переводчик «Александра Петрова» Прозоровского, посланный в Швецию из Ганновера, сыграл в его появлении главную роль.³⁰ Между тем изначально шведский славист толмача забраковал. «Мой Забани — добрый малый, — была его реакция, высказанная в письме Лейбницу от 22 сентября 1699 г., — но поскольку мне до сих пор приходится его учить читать и писать на его родном языке, который я знаю лучше, чем он, судите сами, каким подспорьем он может мне быть».³¹ Если верить Спарвенфельду, до знакомства с ним Забани вообще «не знал ни полслова» по-русски («qui n'en sçait plus que ce qu'il a fallu luy enseigner chez moy, ne sçachant auparavant pas une Sillabe»)³² Шведская исследовательница Улла Биргегорд подтверждает, что познания Забани в церковнославянском и русском языках изначально являлись чрезвычайно малы и возросли только в процессе работы над словарем. Тогда не совсем понятно, как он служил переводчиком у князя А. П. Прозоровского.

От единственного письма Лейбница своему протезе в Швецию сохранился набросок, где Забани называется в третьем лице. Текст датирован 12 июля 1701 г. «Его московит этой весной или зимой был в Париже, — сообщает

²⁹ На протяжении этого абзаца я цитирую главным образом письмо Лейбница Спарвенфельду от 6 января 1699 г. См.: *Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe. Erste Reihe...* Berlin, 2000. Bd. 16. S. 417—418 (№ 265). Немецкие письма М. Забани Лейбницу от 20 октября, 4, 11 и 18 ноября 1698 г. из Ганновера, а также от 21 апреля 1699 г. из Любека. См.: *Ibid.* S. 10—11, 15, 16—17, 27—28, 133—134 (№ 7, 11, 13, 19, 86).

³⁰ «The one who did the 'donkey-work' was, without doubt, Zabani». — *Birgegård U. Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon Slavonicum. His Contribution to 17th Century Slavonic Lexicography.* Uppsala, 1985. P. 59.

³¹ *Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe. Erste Reihe...* Berlin, 2001. Bd. 17. S. 500 (№ 300).

³² Письмо Спарвенфельда Лейбницу от 29 апреля 1702 г. См.: *Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe. Erste Reihe...* Berlin, 2012. Bd. 21. S. 209—210 (№ 150).

Лейбниц, — где принцесса Цвайбрюккенская, с которой он познакомился в Бремене, в его честь давала бал [ihm die Prinzessin von Zweybrücken so er zu Bremen gekennet, einen Ball gegeben]». ³³ Принцессу звали Мария-Элизабет, и она принадлежала к той ветви южногерманского рода Виттельсбахов, которая являлась правящей королевской династией в Швеции. Шведский король Карл XI, умерший в апреле 1697 г., приходился ей двоюродным братом. Следовательно, его сыну и наследнику Карлу XII она была двоюродной теткой. При таком громком родстве положение ее не было блестящим. Она была порядком стеснена в средствах; по меркам своего времени, давно немолода — весной 1701 г. ей исполнилось 38. Все безуспешно пытались выдать ее замуж, включая императрицу Элеонору, супругу императора Леопольда I. Будучи сама урожденной принцессой из дома Виттельсбахов, она принимала живое участие в судьбе своей дальней родственницы. В Париж Мария-Элизабет Пфальц-Цвайбрюккенская приезжала вообще-то для того, чтобы публично отречься от лютеранства и перейти в католичество, и собиралась уйти в монастырь. София Ганноверская, в замужестве курфюрстина Брауншвейгская, в письме Лейбницу от 18 ноября 1702 г. приподнимает полог алькова: «С господином Стенбоком (приближенным шведского короля Карла XII, наверняка действовавшим по его приказу. — *И. Д.*) я знакома, он был в Ганновере... Ему было угодно, чтобы я для принцессы Цвайбрюккенской отыскала мужа. Но поскольку [достойной] партии для нее не нашлось, она, говорят, удовольствовалась русским толстяком (on dit qu'elle s[']e[s]t accommodé du gros Moscovitte — читаю с конъектурой: s[']e[s]t accommodé. — *И. Д.*), коего вы здесь видели. Но мне с трудом в это верится. Он ведь был женат». ³⁴ Пенсия, обещанная князю А. П. Прозоровскому императором Леопольдом I, о которой мы слышали от Б. И. Куракина, возможно и даже скорее всего, была как-то связана с историей несчастной принцессы. В «петровской повести» о Василии Кариотском, если вспомнить о ней, выходит, уже и принцесса не выдумка.

О князе А. П. Прозоровском в переписке Лейбница говорят такие неправдоподобные вещи, что кажется, будто вымысел, который потом назовут литературным, родится сначала в самой действительности вследствие обманов и недоразумений. Чего стоит одно известие о том, что простонародье «желает выкрикнуть» нашего героя в цари?! Но сам о себе такого рассказывать он не мог. Разве стал бы он тогда, если бы рассказывал что-то подобное, верноподданнически кивать на письма, доверенные ему монаршей особой, и свое ожидание царского гонца?! Думается, А. П. Прозоровский случайно угодил в чужую сказку. А именно его в самом деле принимали за «князя Сибирского». Хотя легенда эта едва угадывается, собрав ее следы, мы не усомнимся в ее существовании. Начать хотелось бы со свидетельства позднего, но ясного, расставляющего все на свои места. Датский посланник в России Юст Юль сообщает о своей встрече с «принцем Сибирским, которого зовут царевичем, как называют сына царя», в сентябре 1709 г., приводя о нем такие подробности: «Его предки были царями в Сибири до того, как она

³³ Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe. Erste Reihe... Berlin, 2006. Bd. 20. S. 271 (№ 173).

³⁴ Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe. Erste Reihe... Bd. 21. S. 112 (№ 83).

перешла под русское владычество. Царевича этого царь заставляет постоянно ездить за его счет с собой или с другими [людьми] — своими главными министрами. [Делается это] отчасти из жалости, отчасти затем, чтобы тот не вернулся в свою отчизну и, чего доброго, не устроил мятеж и не попытался вернуть [царское] достоинство и власть своих предков». ³⁵ Кажется, эта картина давно и прочно засела в умах европейцев. «Князя Сибирского» иной раз видят рядом с Петром во время Великого посольства. Между тем это явное недоразумение. Человека с таким именем или псевдонимом в составе Великого посольства не было.

Один такой эпизод мы встречаем в письме ганноверского агента при бранденбургском дворе от 21 мая 1697 г. Чиновники курфюрста Бранденбургского путем осторожных расспросов пытаются выяснить, нет ли на борту судна, прибывшего в Кёнигсберг, инкогнито «важного лица», царя Петра I. «В ответ им было сказано, что на корабле нет никакого важного лица (...). Однако среди них находится один московский Сибирский принц, которому поручено отдать почести его светлости курфюрсту». ³⁶ «Его царское величество с князем Сибирским», «великий князь и князь Сибирский» действуют одной странной парой в одном месте у Я. Номена, а именно в его рассказе о посещении Петром Зандама 21—22 мая 1698 г.: «Они (вдвоем. — *И. Д.*) отправились в дом Корнелиса Михильса Калфа и поехали с ним на его буере вверх по Зану до дома Мейндерта Арентсона, где их угостили... Потом великий князь пожелал видеть, как готовится нюхательный табак, и они пошли на мельницу Класа Симонсона Гейнтъе... Они шли полем, пока это было возможно, затем сели в ботик и доехали на нем до мельницы. Там великий князь и князь Сибирский смотрели с большим удовольствием, как мололи дорогой нюхательный табак. Чтобы избежать взоров любопытных, они поехали отсюда на ботике прямо до западного конца Земанспада и прибыли туда, когда уже стемнело. Великий князь и князь Сибирский вошли в дом Корнелиса Михильса Калфа и оставались здесь до 11 часов вечера». ³⁷ Тут прямо пахнет сказкой. Так неотступно ходит за человеком только тень. Та же легенда выстрелила в упомянутой интерпретации темной истории ареста царем своего подданного в письме Джачинто дель Винья: если арестованный — главный мятежник, то он «принц Сибирский». Уловив эту канву, мы теперь поймем, что в переписке Лейбница черты «принца Сибирского» присваиваются А. П. Прозоровскому разрозненно. В Бремене объясняют, что вообще-то его могли бы выбрать и в цари, на что-то туманно намекают в Ганновере, а имя «принца Сибирского» ему эксплицитно дается только в Гамбурге. На самом деле это отсылки к одной истории, которые, таким образом, собираются для нас воедино.

Вернемся к тому, с чего начали. По определению авторитетного филолога, осознанный вымысел стал главным фактором становления литературы

³⁵ En rejse til Rusland under Tsar Peter. Dagbogsopptegnelser af Viceadmiral Just Juel, dansk Gesandt i Rusland 1709—1711. København, 1893. S. 72. В русский перевод Ю. Н. Щербачева в этом месте вкралась ошибка, потому мы даем свой.

³⁶ *Лавров А. С.* «Царь, без сомнения, находится тут»: Великое посольство в Кенигсберге по донесениям ганноверского резидента И. В. Хойша. 1697 г. // Исторический архив. 1998. № 1. С. 199.

³⁷ Записки Я. К. Номена о пребывании Петра Великого в Нидерландах... С. 61—63.

Нового времени и ее главным отличием от древнерусской традиции.³⁸ После проделанной нами работы можно уверенно заявить, что «Гистория о российском матросе Василии Кариотском» не является исключением. О пропавшем стольнике князе А. П. Прозоровском, вероятном прототипе «российского матроса Василия», вдруг выясняются самые невероятные вещи, такие, в которые едва можно поверить. Однако они, эти удивительные факты, не связаны и просто так не могут быть увязаны между собой! В Тоскане, стране «флоренского короля», А. П. Прозоровский, думается, случайно удостоивается исключительной чести. Но его принцесса — парижская тетка Карла XII — то ли немка, то ли шведка. Царство же, которое ему прочат, вообще Сибирское. Если это исходный материал повести о Василии Кариотском, то лучшей иллюстрации осознанного вымысла как механизма ее появления не придумаешь.

Список литературы

- Берков П. Н.* О так называемых «петровских повестях» // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 7. С. 419—428.
- Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биографии. М.: Соцэкгиз, 1941. Т. 2: Первое заграничное путешествие. 624 с.
- Возгрин В. Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л.: Наука, 1986. 296 с.
- Записки Я. К. Номена о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697/98 и 1716/17 гг. / Пер., введение и примеч. В. Кордта. Киев: [Тип. С. В. Кульженко], 1904. [4], 97 с.
- Лавров А. С.* «Царь, без сомнения, находится тут»: Великое посольство в Кенигсберге по донесениям ганноверского резидента И. В. Хойша. 1697 г. // Исторический архив. 1998. № 1. С. 197—206.
- Моисеева Г. Н.* Русские повести первой трети XVIII века. М.; Л.: Наука, 1965. 324 с.
- Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1868. Т. 9. [6] с., 1230 стб.
- Письма и бумаги императора Петра Великого: [В 3 т.]. СПб.: Гос. тип., 1887. Т. 1. 888 с.
- Платонов С. Ф.* Б. И. Куракин и А. П. Прозоровский (1697—1720) // Доклады АН СССР. 1929. Сер. В. № 12. С. 236—243.
- Ромодановская Е. К.* Об изменениях жанровой системы при переходе от древнерусских традиций к литературе нового времени // XVIII век. СПб.: Наука, 1999. Сб. 21. С. 14—21.
- Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого / Собрал Е. Ф. Шмурло. Юрьев: Тип. К. Матисена, 1903. Т. 1: 1693—1700. XLVI, 728 с.
- Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 604 с.
- Birgegård U.* Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon Slavonicum. His Contribution to 17th Century Slavonic Lexicography. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 1985. 160 p.
- Di Salvo M.* Gasparo (Della) Vecchia, Architecture, and Russia // Studi Slavistici. 2021. Т. 18, № 1. P. 223—234.
- Diarium itineris in Moscoviam... Ignatii Christophori nobilis domini de Guarient, et Rall... ab Augustiassimo, et Invictissimo Romanorum Imperatore Leopoldo I ad Serenissimum, ac Potentissimum Tzarum, et Magnum Moscoviae Ducem Petrum Alexiowicium anno

³⁸ *Ромодановская Е. К.* Об изменениях жанровой системы при переходе от древнерусских традиций к литературе Нового времени // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 14—21.

MDCXCVIII ablegati extraordinarii descriptum a Joanne Georgio Korb... Viennae Austriae, [1700]. 252 p.

En rejse til Rusland under Tsar Peter, Dagbogsoptegnelser af Viceadmiral Just Juel, dansk Gesandt i Rusland 1709—1711. København: F. Hegel og son, 1893. 512 s.

Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe. Erste Reihe: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Berlin: Akademie Verlag, 1993. Bd. 14; 1998. Bd. 15; 2000. Bd. 16; 2001. Bd. 17; 2006. Bd. 20; 2012. Bd. 21.

References

Berkov P. N. O tak nazyvaemykh «petrovskikh povestyakh» // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949. T. 7. S. 419—428.

Bogoslovskii M. M. Petr I. Materialy dlia biografii. M.: Sotsekgiz, 1941. T. 2: Pervoe zagranichnoe puteshestvie. 624 s.

Lavrov A. S. «Tsar', bez somnenniia, nakhoditsia tut»: Velikoe posol'stvo v Kenigsberge po doneseniiam gannoverskogo rezidenta I. V. Hoisha. 1697 god // Istoricheskii arkhiv. 1998. № 1. S. 197—206.

Moiseeva G. N. Russkie povesti pervoi treti XVIII veka. M.; L.: Nauka, 1965. 324 s.

Pamiatniki diplomaticeskikh snoshenii drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi. SPb.: Tip. II Otd. Sobstv. E. I. V. kantseliarii, 1868. T. 9. [6] s., 1230 stb.

Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo: [V 3 t.]. SPb.: Gos. tip., 1887. T. 1. 888 s.

Platonov S. F. B. I. Kurakin i A. P. Prozorovskii (1697—1720) // Doklady Akademii nauk SSSR. Seriya V. 1929. № 12. S. 236—243.

Romodanovskaia E. K. Ob izmeneniiakh zhanrovoi sistemy pri perekhode ot drevnerusskikh traditsii k literature novogo vremeni // XVIII vek. Sankt-Peterburg: Nauka, 1999. Sb. 21. S. 14—21.

Sbornik dokumentov, otnosiashchihsia k istorii tsarstvovaniia imperatora Petra Velikogo / Sobral E. F. Shmurlo. Yur'ev: Tip. K. Mattisena, 1903. T. 1. 728 s.

Sedov P. V. Zakat Moskovskogo tsarstva: Tsarskii dvor kontsa XVII veka. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 2006. 604 s.

Vozgrin V. E. Rossiia i evropeiskie strany v gody Severnoi voyny. Leningrad: Nauka, 1986. 296 s.

Zapiski Ya. K. Nomena o prebyvanii Petra Velikogo v Niderlandakh v 1697/98 i 1716/17 godakh / Per., vvedenie i primech. V. Kordta. Kiev: [Tip. S. V. Kul'zhenko], 1904. 97 s.